Текст · 31 августа 2023, 07:40
Дмитрий Швец,

«Вы — россияне, вам будут паспорта давать». Что стало с украинскими заключенными из Херсона, которых Россия зачем-то забрала с собой при отступлении

Уходя из Херсона, российская армия забрала с собой заключенных местных колоний, около двух тысяч человек. Зачем — никто не понимает до сих пор. Пройдя через долгие и голодные этапы, унижения и избиения, они оказались в российских колониях. Украинцев освобождают оттуда после окончания срока, но только для того, чтобы поместить в депортационный центр, а потом выдворить из России, как правило, в Грузию. Дима Швец встретился в Тбилиси с несколькими освободившимися и на их примере рассказывает, какой путь выпал похищенным Россией украинским заключенным.

Краткое содержание

Главное из этого текста

- Спешно покидая Херсон осенью 2022-го, российская армия по непонятной причине вывезла заключенных из всех местных колоний, до 2,5 тысячи человек.
- Переправив через Днепр, их через Крым вывезли в колонии в европейской части России — правозащитники знают об 11 таких колониях.

• Во время пересылки всех свезли в колонию для больных туберкулезом, там, по словам осужденных, многие заразились.
• В российских колониях над украинцами издевались тюремщики, их избивали, держали в отдельных бараках, заставляли учить гимн России и вербовали в российскую армию.
• Херсонских заключенных убеждали получать российские паспорта: «Бери гражданство, получишь УДО».
• Тех, у кого заканчивается срок заключения, редко отпускают на свободу: украинцев сразу везут в суд, который выдворяет их за незаконное нахождение на территории России.
• Депортации ждут в центрах содержания иностранных граждан (условия там напоминают спецприемники), иногда месяцами.
• Большинство российские силовики выдворяют в Грузию через КПП «Верхний Ларс». В Тбилиси им приходится подолгу ждать украинского «белого паспорта» — только с этим документом они смогут выехать из страны и вернуться в Украину.
• Грузия раньше без проблем пускала бывших заключенных, но недавно группе из шести человек пришлось прожить на границе 11 суток, пока их все-таки не пропустили.
• Тех, кто продолжает отбывать свой срок, недавно стали вывозить в Крым, там, судя по всему, ФСИН использует заключенных на строительстве новых мест заключения.

В ночь на 17 августа российские полицейские привезли на границу России и Грузии группу из шестерых украинцев: пятерых бывших заключенных из Херсона и еще одного мужчину. Все они находились в центре для содержания иностранцев, и их решили выдворить через КПП «Верхний Ларс». Российские пограничники выпустили их из страны, но Грузия неожиданно мужчин не пропустила, хотя таким путем уже прошли десятки украинцев, освобожденных из российских колоний.

Украинцы наотрез отказались возвращаться в Россию и 11 дней провели в пограничной зоне.

Как вспоминает один из них, 47-летний Алексей Зарубин, спали то на улице, то в павильоне грузинской таможни, то в домике строителей (те демонтировали в это время здание дьюти-фри и разрешили пользоваться своим жилищем). Когда случай получил огласку, мужчинам стали подвозить еду и питье.

В один из дней, говорит Зарубин, одного из украинцев пытались похитить двое российских силовиков в штатском. Они пришли в здание грузинского таможенного пункта. «Они, походу, не знали нас в лицо: мимо нас прошли три раза, — вспоминает Алексей. — Они поднялись наверх, один из наших там спал. Они его разбудили, спросили: "Ты украинец?"».

Получив утвердительный ответ, продолжает Зарубин, подошли к остальным, схватили одного из украинцев, сказав ему «спуститься к машине и подписать бумаги».

«Он отвечает: "Какие бумаги?". Я смотрю, они уже начинают руки заламывать и силой вести. Ну все, мы позвали грузинских полицейских — спасибо им большое, они прибежали очень быстро, пять человек, начали выяснять, как они сюда попали и какое право имеют такое себе на грузинской территории позволять. Они не предоставили никаких документов, пытались отвести в сторону, видать, хотели договориться. Грузины повели себя очень даже таки хорошо, сказали им удалиться».

В конце концов Грузия все же пропустила их в страну. Эти заключенные проделали тот же путь, что и десятки других украинцев, освобожденных из колоний в России. Большинство из них спокойно отбывало свой срок в Херсонской области, но при отступлении в ноябре 2022-го их забрала с собой российская армия. Зачем — никто не понимает до сих пор.

Дима Швец встретился с освобожденными украинцами в Тбилиси, чтобы проследить их путь от фактического похищения в Херсоне до депортации в Грузию и рассказать, с чем заключенные столкнулись во время этапа и в российских колониях и как они пытаются вернуться домой.

Херсон под оккупацией. «Ну что, еврозэки, вас приветствует Российская Федерация»

«Я заболел тубиком[1], слава богу, вылечили. Но тем не менее у меня сейчас гепатит *C*, у меня ВИЧ непонятно откуда взялся. Пацанов много заразилось тубиком, жизнь поломана», — эмоционально рассказывает о последствиях этапа по России Александр Соколов, с которым корреспондент «Медиазоны» встретился в Тбилиси. У Соколова землистый загар, короткая стрижка и неброская одежда.

В Украине он был осужден за кражу леса, получил небольшой срок и отбывал его в колонии № 90 на окраине Херсона. Там же сидел и 44-летний Михаил Кувшинов — за покушение на кражу моторной лодки. В этой колонии они и встретили начало российского вторжения в феврале 2022-го.

В ИК-90 у многих были телефоны и планшеты, рассказывают бывшие заключенные, так что о нападении на Украину они узнали одновременно со всей страной. Многие сотрудники колонии, по их словам, стали спешно увольняться и уезжать в более безопасные регионы — российская армия захватила Херсон уже 2 марта.

Начальник колонии Евгений Соболь, по словам заключенных, дал всем сотрудникам время до 25 мая — решить, будут они переходить во ФСИН России или нет. «Если кто-то хочет оставаться, пишите заявление, и вас принимают во ФСИН», — передает его слова 47-летний Алексей Зарубин, один из тех, кто после освобождения провел десять суток на «Верхнем

Ларсе». Он вспоминает: «Самая плохая, по нашему мнению, смена при Украине оказалась самая хорошая — они ушли сразу с работы, не захотели оставаться с Россией».

Вскоре вместо уехавших стали набирать новых сотрудников.

«Это были наши, херсонские, кому работа была нужна. Но они реально понимали, что поддерживают оккупационные войска, — вспоминает Михаил Кувшинов. — Осужденные осуждали тех работников, которые остались здесь, и это говорили, но осторожно, если позволяли отношения. Спрашивали: "А чего вы не уехали?". Они отвечали: "А куда я дену семью, что я там буду делать, в Украине?". Я только плечами жал, ну и все».

Постепенно украинские надписи в колонии сменялись русскими, государственная символика исчезала и менялась на российскую. Сотрудники, по словам Михаила, признавались, что на утренних собраниях им приходилось «славить Россию». Начальник ИК-90 Евгений Соболь, присягнувший новой власти, в итоге занял должность главы управления ФСИН по Херсонской области.

«С первого июня мы уже полностью перешли на русский язык. Мы заменили все флаги. Мы абсолютно полностью интегрируемся в Российскую Федерацию», — отчитывался он летом 2022-го.

Сергей Затирко[2] за неделю до вторжения оказался в колонии № 7 для больных туберкулезом рядом с городом Голая Пристань на левом берегу Днепра (он

до сих пор под контролем России). Он вспоминает, как коллаборанты из числа сотрудников колонии с лета 2022 года начали систематически мучить больных заключенных (до этого насилия не было): «Заходили, говорили: "Ну что, еврозэки, вас приветствует Российская Федерация". Спускали собак, просто "фас"! Разрезали руки, были страшные случаи, просто избивали. Может быть, из-за того, что старый начальник колонии — он за Украину. [В начале войны] прибежал, говорит: "Пацаны, кто хочет воевать — пишите заявление, вас выпустят". Это когда началась война. Может, из-за этого: заявления написали, а тот пропадает, тут новый хозяин — и все».

Евгений Мураев[3] тоже был в этой колонии, он вспоминает: назначенный Россией начальник по фамилии Горобец «показывал солдатам, кого надо побить и унизить».

«Меня лично били часа полтора, я закусил бревнышко, сломал два зуба, — рассказывает Мураев. — Когда они закончили, у меня только шея была чистая, все остальное — черное, два месяца я спал на животе, в туалет ходил полустоя. Это при том, что у меня гепатит *C*, ВИЧ, туберкулез и еще клапана на сердце порваны».

Михаил Кувшинов из ИК-90 говорит, что к заключенным, открыто высказывавшимся против России, и в этой колонии относились жестоко: отправляли в ШИЗО и били. Некоторых подозревали в том, что они прямо из тюрьмы передавали информацию о российских военных. Их, как выражается Михаил, «забирали».

Уже после освобождения Херсона заключенные из местного СИЗО рассказывали журналистам «Слідство.Інфо», что узнавали места расположения россиян от сокамерников или жителей города и писали об этом знакомым из ВСУ.

— Вы же знаете, что те, про кого узнавали, что они передавали информацию, их чуть не расстреливали? — спрашивает журналистка Сергея Головко, находившегося в изоляторе при оккупации.
— Я читала показания, что ставили перед десятиметровой ямой и говорили, чтобы больше такого не было.

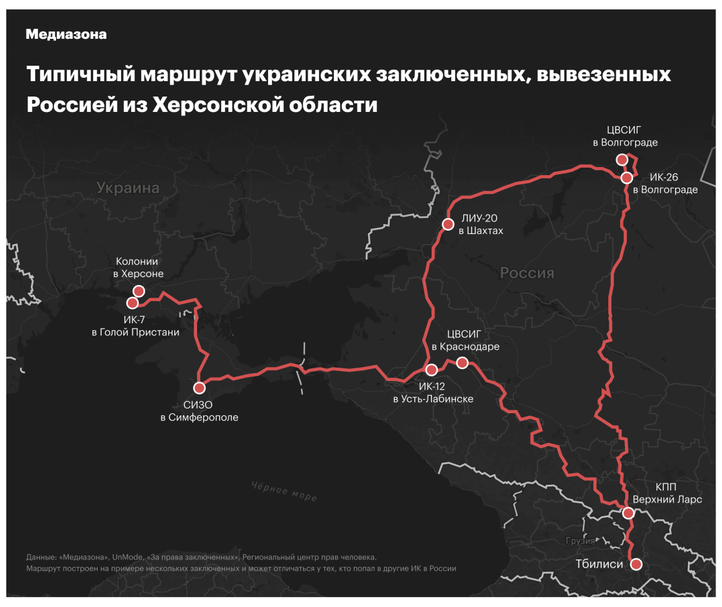
— Понимаете, когда два раза ставят к стенке, уже ничего не страшно, вот и все, — отвечает тот, имея в виду, что россияне практиковали имитацию расстрела в качестве запугивания.

Другой герой репортажа, Ярослав Сидоров, рассказывает, что по его координатам было атаковано четыре позиции россиян. Так что в октябре россияне активно искали, кто же передает данные ВСУ. К нему пришли в камеру и начали избивать, потом увезли с мешком на голове в промзону: «Меня поставили на колени, сняли мешок, а там яма десять на десять, может быть, даже для нас. И все, над головой стоит: "Давай, рассказывай". У меня мысля: "Расскажу — убьют, не расскажу — все равно замучают и убьют". Ну простреляли над головой, надели мешок на голову и потянули назад. Сказали, вызовут еще, кинули в камеру. В камере все знали, что я помогаю ВСУ».

Но снова за Сидоровым не пришли: в начале ноября 2022-го российская армия отступила из

Херсона, освободив перед этим всех заключенных из СИЗО, несколько сотен человек. Как рассказывает Анна Скрипка из общественной организации «Защита заключенных Украины», россияне сказали арестантам, что здание заминировано, и отпустили их на все четыре стороны — многие впоследствии снова были задержаны украинскими правоохранителями.

А вот заключенных из херсонских колоний отпускать не стали, их отступавшая Россия забрала с собой.

Голая Пристань. Переправа через Днепр в набитых автозаках

Александр Соколов и Михаил Кувшинов из колонии № 90 говорят, что осужденных из других учреждений области начали свозить к ним еще в начале осени. На севере Украина тогда стремительно освободила большую часть Харьковской области, а на юге медленно, но упорно наступала на Херсонскую. Не привозили только зэков из Голой Пристани на левом берегу Днепра — именно туда, как выяснилось, россияне решили вывезти остальных осужденных.

«В сентябре администрация вызвала к себе авторитетных людей, и эти люди потом разнесли эту информацию [о предстоящем этапе] по основной

массе заключенных, — вспоминает Михаил. — Я лично был не согласен с таким решением, и я спросил: "А что, если я не хочу?". Мне сказали: "Сейчас время такое, война. Если ты хочешь проверить, что будет, я тебе не советую". Мне до освобождения оставалось четыре месяца».

Для чего украинцев, осужденных украинским судом, при отступлении решили вывезти на подконтрольную России территорию, им никто не объяснял.

Осужденных везли в плотно набитых автозаках. Михаил говорит, что обычно в них помещали по 18–20 человек, а в этот раз — примерно в полтора-два раза больше. Людей было столько, что им не разрешили взять с собой больше чем по одной сумке вещей.

Заключенных везли в сопровождении БМП «Тигр», отмечает правозащитница Анна Скрипка, некоторые говорили ей, что с воздуха их охранял еще и вертолет (собеседники «Медиазоны» вертолетов не видели и не слышали). Больше всего заключенные опасались попасть под обстрел по пути, часть которого занимала переправа через Днепр, но им повезло.

«Они могли быть в любой момент, особенно мы их боялись, когда переплывали эту речку: понимали, что если бомбанет где-то рядом, что-то перевернется и автозак пойдет на дно, никто нас спасать не будет», — вспоминает Михаил.

Всех свезли в колонию № 7 для больных туберкулезом в Голой Пристани, и это до сих пор вызывает

у бывших заключенных негодование. В Голой Пристани они провели около двух недель, за это время многие заразились (об этом они узнали позже, когда уже в России у осужденных взяли анализы и сделали флюорографию).

«Там было такое, что люди в подвалах жили и на улице», — описывает Сергей условия тех дней.

СИЗО в Крыму. Избиения и издевательства тюремщиков

В середине октября заключенных начали этапировать из Голой Пристани в Крым. Последнюю партию, о которой известно собеседникам «Медиазоны», отправили 7 ноября — за несколько дней до того, как Россия окончательно покинула Херсон, а в город вошла украинская армия.

Айдана Федосик из правозащитной организации *UnMode* рассказывает, что они узнали о передвижении заключенных, когда оно только началось, в октябре 2022-го.

«Нам поступала информация, когда всех свезли в Голую Пристань. Сейчас там оставили только паллиативных, а потом, уже в декабре, появились первые контакты [из России]: что мы здесь, знаем, кого еще куда-то привезли», — рассказывает она.

Михаила Кувшинова отправили одним из первых этапов из Голой Пристани. Он вспоминает, что сотрудники ФСИН из Херсонской области «пытались запрыгнуть» в автозаки, куда грузили заключенных,

видимо, опасались, что и левый берег сейчас вернется под контроль Украины.

«Им сказали: "Нет-нет, вы остаетесь здесь"», — уверяет Михаил.

Судьба присягнувших России тюремщиков ему неизвестна. Одна из волонтерок, помогающих украинским заключенным, говорит, что часть таких сотрудников теперь работает в колонии-поселении в Чонгаре. Еще в ноябре украинские власти сообщали-, что в Херсоне, на правом берегу, были задержаны трое сотрудников местного управления ФСИН, не успевшие перебраться через Днепр.

Последними отправляли тех, кто изначально находился в туберкулезной колонии в Голой Пристани. В их числе были как раз Сергей Затирко и Евгений Мураев. Сразу было ясно, что этап будет трудным, вспоминает Сергей, конвоиры предупреждали: «Нам пофиг, в каком состоянии вы приедете, нам главное — количество».

Следующий пункт маршрута — трехэтажное здание с длинными коридорами и колючей проволокой на крыше. Бывшие заключенные точно не знают, что это было за учреждение, но по описанию оно напоминает СИЗО-1 в Симферополе.

Заключенных вывозили в Крым партиями в течение нескольких недель. О прибытии в СИЗО они рассказывают одно и то же: сотрудники ФСИН выстраивались коридором, вдоль которого осужденные должны были пройти на согнутых ногах и пригнув голову — тот, кто поднимал взгляд, получал

дубинкой по спине или сразу по голове. Переклички сопровождались избиениями, после них украинских заключенных оставляли в плотно набитых камерах на несколько часов. Там их не кормили и не позволяли садиться. Сергей говорит, что сесть там запретили даже инвалиду без одной ноги.

«Был курьезный случай: один осужденный очень спешил, когда бежал мимо омоновцев, и потерял тапочки. Сотрудник ему говорит: "Подожди, ты тапочки потерял". А он отвечает: "Да то не мои!"» — вспоминает те дни Михаил Кувшинов.

Евгений Мураев замечает, что некоторые заключенные из его этапа кричали «Слава Украине!» — за это их били до потери сознания и опускали головой в унитаз, пытаясь таким образом понизить их статус в тюремной иерархии. Впрочем, на статусе пострадавших это в итоге не отразилось, говорит он: «Мы приехали в лагерь и обратились к братве, нам пояснили, что это мусорской расход и считается, что это не запомоенный».

Колонии в России. Били, вербовали, заставляли учить гимн и предлагали российский паспорт

Из крымского СИЗО украинских осужденных развозили по колониям юга России. Анна Скрипка из «Защиты заключенных Украины» насчитала 11 таких учреждений в Краснодарском крае и Волгоградской области. Ей уже удалось установить местонахождение 400 осужденных, которых вывезли из Херсонской области.

В Мордовии, по ее словам, правозащитники нашли пожизненно осужденных[4]. «Совсем больных» отправили в Ростовскую область — в тюремную туберкулезную больницу (МОТБ-19) или в лечебную колонию (ЛИУ-20).

Колонии, как правило, принимали по 200–250 человек, говорят правозащитники. Всего, по их данным, из Херсонской области в Россию вывезли[5] от 1 800 до 2 500 заключенных.

Сотрудник украинской прокуратуры Херсонской области Павел Мошковский в связи с вывозом заключенных занимается расследованием уголовного дела о нарушении законов и обычаев войны (статья 438 УК Украины). Он говорит, что конкретных подозреваемых в деле пока нет, но предполагает, что приказ о вывозе отдали руководители ФСИН. Скрипка добавляет, что потерпевшими по делу уже проходят около 50 человек — это те, кому удалось вернуться на родину, или их родственники.

Из Крыма в Россию везли через Керченский мост. Во время этапов заключенных, по их словам, почти не кормили, хотя пайки грузили в автозаки. Сергей Затирко говорит, что им выдали две булки хлеба на 17 человек. «Хоть хлеб дали, повезло», — смеется

он. Личных вещей у них к этому времени почти не осталось.

Александр Соколов и Михаил Кувшинов попали в ИК-2 в Усть-Лабинске в Краснодарском крае. Сравнивая отсидку в Украине и в России, оба говорят, что во втором случае все куда суровей. Впрочем, в их случае российские зэки отнеслись к украинцам с пониманием и помогли связаться с родными и правозащитниками, но это скорее везение.

Сергей Затирко сначала оказался в краснодарском СИЗО, там осужденных били шокерами. «Я назвал свою фамилию, имя, отчество по-украински, они: "Ба, ты шо, забыл, где ты находишься?" — описывает он нравы в изоляторе. — Запрещали по-украински разговаривать». Оттуда его отправили в ИК-26 в Волгограде. Сергей вспоминает, что там сотрудник ФСИН сразу сказал: «Вы — россияне, вам будут паспорта давать, Херсон — это Россия».

В Волгограде украинцев заставляли разучивать гимн России и российские песни. Сергей уже не помнит, какие именно, потому что там он быстро попал в больницу. В этой колонии украинцев изолировали в отдельном бараке, рассказывает он, и били, если они подходили к окну, чтобы с кем-то поговорить.

Параллельно к ним приезжали сотрудники ФСБ, которые пытались выведать у заключенных, где расположены украинские позиции. «Я сижу с 2018 года. Гляньте на карту, где я жил — я жил в селе, — смеется Затирко. — Грозили детектором лжи, навязывали российские паспорта: "Бери гражданство, получишь УДО"».

Выход — через депортационный центр. Для этого украинцев обвиняют в незаконном пересечении границы на автозаках

После захвата Крыма в 2014 году российская власть формально пересматривала в суде сроки крымских заключенных, чтобы привести их в соответствие с российскими законами. В случае с вывезенными из Херсона осужденными не произошло даже этого: как правило, их держат в заключении срок, назначенный им украинским судом, и выпускают, когда он заканчивается.

Эксперт Регионального центра прав человека Роман Мартыновский вспоминает случай осужденного, которого выпустили еще на пересылке в Крыму, но без документов — только со справкой об освобождении, так что теперь по ней он не может уехать.

«Я так понимаю, там тоже бардак присутствует», — описывает общую ситуацию Мартыновский.

В декабре 2022-го, когда у первых из херсонских заключенных подошел срок освобождения, их тоже просто выпустили из колоний. Но это

были единичные случаи, говорят правозащитники, и сейчас такие почти не повторяются — теперь освобожденных под предлогом незаконного пересечения границы России сразу помещают в депортационные центры.

В конце зимы и ранней весной 2023-го срок подошел у Александра Соколова, Михаила Кувшинова и Сергея Затирко. Все трое получили справку[6] об освобождении из колонии № 7 в Голой Пристани, хотя досиживали срок они совсем в других колониях в России.

Выдав справку, Михаила тут же, в колонии, задержали и передали полицейским, которые повезли его в Усть-Лабинский городской суд. Александра и Сергея формально отпустили за ворота колонии, но там тоже сразу задержали и повезли в суды: одного в том же Усть-Лабинске, другого в Волгограде.

И Кувшинова, и Соколова суд признал виновными в нарушении иностранцами правил нахождения в России (статья 18.8 КоАП). По версии суда, украинцы каким-то образом незаконно попали на территорию России без «документов, подтверждающих право на пребывание (проживание)», а потому должны быть выдворены. Обоих суд поместил в центр временного содержания иностранных граждан (ЦВСИГ) в Краснодаре.

Сергея Затирко же суд в Волгограде поместил[7] в ЦВСИГ просто по иску местного МВД, в день освобождения выписавшего ему запрет находиться на территории Российской Федерации.

«В суде спрашивают: "Претензии есть?" — вспоминает Сергей свой разговор с судьей. — Я говорю: "Да, за что меня закрывают?". "Ты незаконно пересек границу". Я говорю: "Так как незаконно, если я... вы меня сами, под дулами автоматов..." Там уже было все решено, справку об освобождении у меня забрали, там было написано, что я освободился из Херсона. Я говорю: "А логика у вас есть какая-то? 14 марта меня освобождают в Херсоне, и тут же 14 марта вы меня судите в Волгограде — это, блядь, две тысячи километров"».

Алексей Зарубин освободился из ИК-14 в Краснодаре. Он вспоминает, что там заключенных «просили подписать бумагу о том, что они давали согласие на то, чтобы их вывезти из Херсона — ее заставляют подписать, чуть ли не силой и запугиванием; и вторая бумага — о том, что претензий к зоне не имеют».

На выходе, как и всех, тоже задержали: «Ко мне подходит полицейский, говорит: "Сейчас едем в райотдел, а потом в суд". Я уже знал, что это, но ради интереса говорю: "А что происходит?". "Ну, надо составить протокол о том, что вы незаконно пересекли границу, если вы сидели..." Он на меня стоит и смотрит, говорит: "Мне это самому в печенках сидит, эти протоколы и непонимание того, как вы незаконно пересекли границу". Но я, говорит, попка маленький, мне что сказали делать — то я и делаю».

Схему с помещением в депортационный центр власти придумали не сразу, но теперь она действует почти всегда.

Впрочем, недавно появилась и новая практика, говорит российский волонтер: заключенных из

Краснодарского края, чьи сроки заключения уже подходили к концу, стали вывозить в крымскую ИК-2. Там их пересуживают по российским законам (иногда после этого срок сокращается) и отпускают. Их уже не выдворяют из страны и не помещают в ЦВСИГ. Как правило, эти люди либо возвращаются в Украину через КПП «Колотиловка — Покровка» на границе Белгородской и Сумской областей, либо едут к родным на оккупированные территории.

О нем было известно и раньше, отмечает волонтер, однако в начале августа украинское Минреинтеграции официально объявило о работе этого гуманитарного коридора, и теперь число желающих воспользоваться им возросло.

Анна Скрипка и бывший заключенный Евгений Мураев знают еще об одном исключении: в Ростовской области заключенных из лечебного учреждения ФСИН № 20 для больных туберкулезом по-прежнему освобождают без дальнейших препон — знакомые Евгения сразу уезжали в Украину. По его подсчетам, в это учреждение привезли около 150 украинцев из херсонских колоний.

Сам Евгений до конца апреля тоже был в этом ЛИУ, но потом его на месяц отправили в ту же волгоградскую колонию № 26, где был Сергей Затирко, уже оттуда освободили[8] и так же отправили в ЦВСИГ.

В депортационном центре можно оказаться надолго, особенно если есть проблемы с документами. В случае Сергея Затирко, к примеру, суд уточнил, что срок ожидания депортации в центре не должен превышать 180 дней, но бывшие заключенные рассказывают, что

на практике он может быть и дольше: его просто продлевали еще на полгода таким же решением суда.

Сам он в итоге провел три месяца в ЦВСИГ в Волгоградской области, Кувшинов и Соколов — по два месяца в Краснодарском крае.

В центре могут держать месяцами. «Пацаны позастревали в этом фэмээсе, блядь, российском»

Паспорт — это главный документ, благодаря которому у бывшего заключенного появляется надежда поскорее покинуть ЦВСИГ. Больше всего повезло тем, у кого украинский паспорт хранился в колонии среди документов, которые вместе с заключенными вывезли в Россию. Кому-то паспорт могут прислать родственники из Украины. У Александра Соколова, к примеру, документ был в уголовном деле, Михаилу Кувшинову его передали из Украины.

В противном случае ситуация сильно осложняется.

«Пацаны позастревали в этом фэмээсе, блядь, российском, по году сидят», — говорит Сергей Затирко, возможно, слегка преувеличивая сроки. Он добавляет, что двум или трем украинцам в их колонии паспорта вообще порвали.

Были и те, кто еще в колонии согласился получить российское гражданство — таким новый паспорт выдают сразу после освобождения. Михаил Кувшинов вспоминает, что поначалу российское гражданство

предлагали всем украинским зэкам без разбора, но потом «опомнились и стали говорить только про оккупированные территории».

Без документов люди могут находиться годами в депортационных центрах, особенно при условии, что у России и Украины сейчас нет дипломатических отношений. Больным там по умолчанию не предоставляют специализированную медицинскую помощь, это касается терапии при ВИЧ, туберкулезе и онкологических заболеваниях, и правозащитники подолгу добиваются создания нужных условий для своих подопечных.

Там украинцы тоже могут подать заявление на получение гражданства России, и некоторые, отчаявшись от бесплодного ожидания, идут на это, говорит Затирко. Правозащитникам известны случаи, когда получившие таким образом российский паспорт экс-заключенные действительно смогли выйти на свободу и уехать в Украину.

Анна Скрипка рассказывает, что в Украине уже создана рабочая группа, которая должна наладить механизм отправки в Россию удостоверений личности для возвращения домой — их называют «белый паспорт». Обычно заявление подается в посольство или консульство, и документы делают после подтверждения личности, но после начала полномасштабного вторжения у России и Украины нет дипломатических отношений.

В *UnMode* говорят, что организация помогала заключенным внутри России, в том числе направляя

юристов, однако 8 июня объявила о прекращении работы в стране из-за давления со стороны силовиков.

В любом случае никто из собеседников «Медиазоны» не провел в ЦВСИГ меньше трех недель.
Михаил Кувшинов вспоминает, что в начале весны в краснодарском центре было относительно вольготно: разрешали принимать посылки, покупать что-то, переводя деньги знакомому дружественному таксисту на карту, доступ к телефону не ограничивался. Сейчас, как он узнал от знакомых, условия стали похуже, телефоны на весь день уже не выдают.

Сергей Затирко отзывается о волгоградском центре хуже: украинцев там держат отдельно от остальных иностранцев в закрытых комнатах с камерами наблюдения, гулять выводят в небольшой дворик, где уже четверым тесно. Вдобавок, по его словам, украинцев там пытались завербовать на войну.

«Приехали какие-то военные, по камерам ходили, предлагали воевать, идти за Российскую Федерацию. Там все, сейчас квартиру дадут, вам деньги, всем до единого — короче, все будет в шоколаде. Потом приехал эфэсбэшник, с нами пообщался: "Чего, будешь воевать?". Я говорю: "Не, какой, я болею". Он отвечает: "Ну хорошо, будешь ехать" [из России]», — рассказывает Сергей, которому украинский паспорт родственники передали через волонтеров.

Это было в начале июня, после трех месяцев в центре для иностранцев, — неожиданно он услышал хорошую новость от сотрудника ФСБ.

Правозащитники говорят, что обычно добиться конвоирования намного сложнее.

Иллюстрация: Борис Хмельный / Медиазона

«Все происходит на уровне сумасшедшего дома, я имею в виду с российской стороны, — замечает волонтерка из России[9], помогающая украинским заключенным покидать страну. — Это каждый раз каскад фантастических прыжков, кульбитов и так далее».

Айдана Федосик из *UnMode* признает, что им пока не получилось систематизировать, в какие сроки и с какой регулярностью херсонских зэков с паспортами везут к границе.

«Сами ребята оказывали очень сильное давление изнутри, — добавляет она. — Они приглашали эту представительницу миграционной службы, они ее убеждали, они приводили примеры, когда человек успешно прошел: вот смотрите, вот он уже за границей. То есть их роль в этом огромна».

Тбилиси. В ожидании «белого паспорта»

В большинстве случаев полицейские или приставы везут бывших заключенных на границу с Грузией, видимо, потому что она ближе всего. В некоторых

случаях выдворение происходило через границу с Латвией.

Российские пограничники, по словам правозащитников, неохотно выпускают украинцев из страны, но до недавнего времени их грузинские коллеги пропускали практически всех.

С Латвией ситуация противоположная: россияне выпускают большинство, но вот латвийские пограничники, по словам Скрипки, не пропустили 24 человека — их вернули в ЦВСИГ в России. Бывает, что трудности с границей связаны с тем, что у украинцев были просрочены паспорта.

В единичных случаях, говорит Айдана Федосик, украинцев выдворяли самолетами в Казахстан и Армению, правда, это происходило не с вывезенными из-под Херсона, а с теми, кто попал в тюрьму в России еще до полномасштабного вторжения.

Украинцы, которых все же выпускают без выдворения — например, больные туберкулезом или те, кого выпустили после пересудов в Крыму, — в последнее время возвращаются в Украину через КПП «Колотиловка» на границе Белгородской и Сумской областей.

По словам Федосик, ее организация помогла уже сотне заключенных, которых вывезли из Херсона и освободили в России. Около 70 из них выдворили в Грузию, остальные вернулись на родину через страны Балтии или «Колотиловку».

Редкие освобожденные, выдворенные в Евросоюз, дальше могут перемещаться там без ограничений: ехать домой или в другие страны. С Грузией ситуация сложнее: украинцы оказываются тут со внутренними паспортами и не могут даже выехать из страны, ожидая, пока в Украине подтвердят их личность, чтобы дипломаты могли выдать им «белые паспорта».

Ожидание может занимать месяцы. Александр Соколов и Михаил Кувшинов приехали в Тбилиси в мае. После прохождения границы их, группу из 14 заключенных, уже ждали волонтеры *UnMode*. Сергей Затирко оказался в Тбилиси в июне, Евгений Мураев тоже.

Евгения никто не встретил — в тот раз волонтеры не знали, что освобожденных снова везут на границу, — и он на попутках добрался до посольства Украины в Тбилиси. Уже дипломаты связали его с правозащитниками.

В районе Глдани на самой окраине Тбилиси *UnMode* снимала для бывших заключенных дом, обеспечивая их необходимым на первое время, пока оформляются документы. Грант на это выделила ООН. Иногда ожидание документов затягивается. «Стало сбоить со сроками подтверждения личности: раньше это занимало несколько дней, в особо сложных случаях — две-три недели. А сейчас уже второй месяц пошел», — сетует Федосик.

Анна Скрипка из «Защиты заключенных Украины» замечает, что могла бы посодействовать тому, чтобы консульство активнее выдавало бывшим зэкам в Грузии «белые паспорта», но нужен список, а его нет.

Дело в том, что *UnMode* почему-то заключает[10] со своими подопечными договор о социально-правовой помощи, запрещающий им общаться с другими правозащитниками. Это затрудняет координацию и сбор информации.

У Соколова и Кувшинова ожидание документа растянулось больше чем на месяц. Кувшинов уже получил «белый паспорт», но не торопится им воспользоваться, поскольку ему некуда возвращаться: дом в Херсонской области затопило после прорыва Каховской ГЭС. С семьей он не может связаться уже несколько месяцев.

В доме в Глдани действовал строгий запрет на алкоголь; один из бывших заключенных признается, что «это ведь спецконтингент» и местным жителям такое соседство пришлось не по душе.

Доходило до выселения некоторых постояльцев. Так что в июне на берегу реки неподалеку в шалаше из целлофана жили семеро украинцев, провинившихся пьянством. Но вскоре они получили «белые паспорта», а правозащитники купили им билеты до Украины.

Одним из изгнанных был и Александр Соколов. «Мы живые люди, мужики. Если я пришел с работы, я могу выпить пива литр. А там, видите ли, так нельзя. Я перешел на самообеспечение, а им теперь, видимо, не интересен мой "белый паспорт", — возмущался он. — Ребята жили что собаки, блядь».

В начале июля *UnMode* перестала снимать дом для бывших заключенных. Оставшихся украинцев

перевезли жить на ту же стройку, где они работают — Федосик говорит, что это стройка ее дома. Некоторым на время сняли хостел.

Снова Крым. Заключенные строят места заключения

Большая часть заключенных, вывезенных из Херсонской области, все еще остается в российских колониях. У правозащитников была гипотеза, что Россия вывезла их, чтобы пополнить обменный фонд, однако пока не известно ни одного случая обмена.

Летом у них появилась информация, что часть заключенных снова перевезли в Крым, на этот раз в колонию № 2 под Керчью и куда-то к Чонгару (это левобережная часть Херсонской области, которая находится под контролем России и упирается в север Крыма). Об этом говорит и украинская правозащитница Анна Скрипка.

«Наши адвокаты работать там не могут — они не могут туда въехать, они тут же попадут в санкционные списки украинские, мы такого не можем допустить, — добавляет российская волонтерка. — Почему их стали вывозить? Была теория, что вывозят тех, у кого скоро кончается срок, потому что ЦВСИГи не выдерживают».

Поэтому украинских заключенных стали пересуживать российским судом, как это уже происходило в Крыму в 2014 году. И уже без депортации освобождать тех, у кого после этого сократился срок заключения.

«Потом стали поступать сообщения, что вывозят не только краткосрочников, — продолжает волонтерка. — Первый этап из тех, кого перевезли в керченскую колонию, их страшно избили, там руки-ноги поломаны».

Российская волонтерка показала «Медиазоне» документ, где упоминался СИЗО-2 «УСИН по Херсонской области». От одного из освободившихся заключенных она узнала, что часть людей перевезли в колонию-поселение в Чонгаре, где заставили перестраивать бывшее здание погранслужбы в СИЗО.

По ее неподтвержденным данным, в новом учреждении уже содержатся больше 200 человек. Кто это — неизвестно. Украинские правозащитники предполагают, что в новом СИЗО, построенном в том числе руками вывезенных из Херсонской области зэков, могут содержать военнопленных и гражданских, похищенных российскими силовиками.

Редактор: Егор Сковорода

1. Туберкулезом.
2. Имя героя изменено.
3. Имя героя изменено.

4. Например, Игорь Швачка — его вывезли из колонии № 5 в Снегиревке под Николаевом сначала в Голую Пристань, а затем в Торобеевский централ в Мордовии (ИК-6), где содержатся в основном пожизненно лишенные свободы.
5. В Россию, по данным правозащитников и властей Украины, вывезли заключенных из нескольких колоний области. На момент начала оккупации в Северной № 90 было 858 заключенных, в Дарьевской № 10 — 242, в Голопристанской № 7 — 737 заключенных. По крайней мере десятки осужденных вывезли из Снегиревской колонии № 5 в Николаевской области.
6. Документ сохранился только у Михаила Кувшинова, ему дали справку с надписью: «Серия Х Е Р № 00191». В ней указано, что он освобожден из ИК-7 в Голой Пристани и направляется домой в Херсон.
7. Копия решения Дзержинского районного суда Волгограда есть в распоряжении редакции.
8. Он единственный из собеседников «Медиазоны», кому в справке об освобождении написали, что он вышел из волгоградской, а не из херсонской колонии.
9. Попросила не указывать ее имя.
10. Айдана Федосик объясняет это тем, что логично, если каждого подопечного будет юридически сопровождать только одна организация.